

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.4

УДК 141.201 | ББК 87.632

© **Оботурова Г.Н.**

НАПРАВЛЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ОБОТУРОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА

Вологодский государственный университет
Россия, 160001, г. Вологда, ул. Мальцева, д. 2
E-mail: kaffil@uni-vologda.ac.ru

В статье анализируется один из основных вопросов субстанциональной философии истории – проблема направленности исторического процесса в контексте современной теории познания, глобально-регионального взаимодействия, преодолевающих односторонность как классических, так и неклассических концепций его понимания. Показана актуальность исследуемой проблемы на основе обзора полемики сторонников формационного и цивилизационного подходов, имеющих место в современной отечественной философии. На основе методов исторической реконструкции и сравнительного анализа выявлена специфика линейно-восходящей направленности исторического процесса, имеющей место в философии Гегеля и марксизма. Дана характеристика топологической концепции понимания «всемирной истории» Данилевского и Тойнби, показан их вклад в выявление роли и значения соотношения всеобщего и случайного, общечеловеческого и национального. Новизна данного исследования состоит в том, что в нем на основе анализа концепций мир-системного подхода Валлерстайна, глокализации и «множества модернити» Робертсона осуществлен концептуальный синтез позитивных моментов классического и неклассического подходов к пониманию направленности исторического процесса в контексте реалий современного мирового развития. Областью применения

Цитата: Оботурова Г.Н. Направленность исторического процесса в контексте глобально-регионального взаимодействия // Социальное пространство. 2018. № 1 (13). DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.4

Citation: Oboturova G.N. The focus of the historical process in the context of global-regional interaction. *Social area*, 2018, no. 1 (13). DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.4

полученных результатов исследования является осуществленный в статье анализ специфики китайской модели экономического и политического развития, сочетающей в себе элементы трансформированного марксизма, западноевропейского либерализма и конфуцианства. В качестве дальнейшего перспективного направления в исследовании заявленной темы выступает необходимость анализа глобально-региональной направленности экономического и социально-политического развития России в целом и регионов в частности.

Направленность исторического процесса, формация, цивилизация, глобализация, глокализация, «множество модернити».

Введение

Предметом философии истории как области философского знания является «историческое измерение человеческого бытия и возможность его осознания и познания» [1, с. 434]. Исходя из такого понимания предметной области философии истории в ней выделяется два пласта, уровня, подхода – субстанциональный, онтологический, материальный и аналитический, критический, рефлексивный. Субстанциональная философия истории представляет собой осмысление исторического процесса как «определенной бытийной сферы, как одного из главных контекстов существования человека» [1]. Объектом исследования аналитической философии истории является «философский анализ границ, возможностей, форм и методов исторического познания» [1].

Целью данной статьи является рассмотрение субстанциональной философии истории с позиций современной теории познания, преодолевающей односторонность как классических, так и неклассических подходов к пониманию исторического процесса в контексте глобально-регионального подхода. При этом автор статьи не ставит перед собой задачу анализа всего многообразия аспектов субстанциональной философии истории – природы исторического; соотношения между всеобщим и частным; прошлым, настоящим и будущим; выявления «смысла» истории; ее назначения и др. На первом плане находится анализ проблемы направленности, основных стадий, эпох и форм исторического процесса, эволюции и соотношения различных, в том числе формационных, цивилизационных и современных, подходов к их пониманию, исследова-

ние которых находится в центре внимания современных философских дискуссий. Особенно активно обсуждается проблема взаимосвязи марксистской, формационной и цивилизационной концепций понимания направленности исторического процесса.

Так, А.В. Бузгалин полемизирует со сторонниками цивилизационного подхода с позиций современной марксистской философии, которая, по его утверждению, «позволяет раскрыть ключевые закономерности исторического процесса, в том числе лежащие в таких сферах, как культура и человеческое развитие» [2, с. 3]. Вместе с тем, с его точки зрения, при всей своей неопределенности цивилизационный подход «остается господствующим и в мире, и в нашей стране» [2, с. 4]. К концу XX века, по его мнению, произошло резкое ослабление марксистской парадигмы, а цивилизационные концепты «стали превращенными формами нового общественного (само)сознания (философствующего сообщества), объективно порожденными новой реальностью» [2].

Нельзя не согласиться с А.В. Бузгалиным в том, что в советский период отечественной философии имело место огрубление трактовки марксизма, превратившее его философию истории в формационную «пятичленку». Однако при всем уважении к основательности подхода А.В. Бузгалина и А.И. Колганова к анализу философии марксизма в контексте исследования проблем глобального капитала [3], думается, что «сложность» марксистской философии истории необходимо искать не в постановке Марксом проблем социальной философии и философии культуры, а в попытках его выйти за рамки формационного подхода в понима-

нии исторического процесса. Таким известным «выходом» являлось введение Марксом понятия «азиатского» способа производства, не укладывающегося в формационную «пятичленку».

Иную позицию, в отличие от А.В. Бузгалина, занимает В.Н. Шевченко, который считает, что в мировой философии истории XX века имело место не противостояние формационного и цивилизационного подходов, а столкновение идей марксизма (коммунизма) и буржуазного либерализма, «двух уникальных проектов преобразования мира – буржуазно-либерального и пролетарско-социалистического» [4, с. 35]. Цивилизационный подход, с его точки зрения, не является исчерпывающим для объяснения всех «странных» поворотов в развитии мировой истории, поэтому его необходимо дополнить другими концепциями. При этом он не отрицает возможности соединения формационного и цивилизационного подходов, что, по его утверждению, «крайне необходимо для современного понимания марксистской теории общества и его истории» [4, с. 33]. Такое примирение, по его мнению, возможно на основе мир-системного подхода, позволяющего раскрыть гораздо более сложную логику исторического процесса XXI века по сравнению с классической формационной логикой К. Маркса и тем самым «найти способ органического соединения этих двух подходов в рамках марксистской теории» [4].

Думается, что проведение такой «операции», предлагаемой В.Н. Шевченко, противоречит законам логики, т. к. невозможно соединить две части в рамках одной из них, такое соединение будет выходом за рамки одной, в том числе марксистской, части и переходом на новый, более высокий, объединяющий исходные концепции уровень.

Необычным представляется подход к анализируемой проблеме Г.С. Киселева, который, подвергая сомнению идею прогресса как объективного восходящего движения к некоторому высшему состоянию, считает, что «такой взгляд на историю предопределяет признание ее вероятности и, следовательно, неопределенности ее конца»

[5, с. 5]. Признавая наличие прогресса в некоторых областях развития общества и отсутствие в других, он ставит под сомнение сам вопрос «об обоснованности идеи общественного прогресса и перспективах человечества» [6, с. 16]. С его точки зрения, путь человечества представляет собой «чередование периодов, когда создаются смыслы, т. е. собственно история, и неисторических периодов утери смыслов» [5, с. 11]. В последнем случае происходит «выпадение из истории, время вне подлинной жизни, пустое время» [5], поэтому историю можно представить «в виде своего рода синусоиды» [5], вершины которой сменяются спадами, и если видеть только вершины, то «она выглядит как нечто прерывистое» [5]. Думается, что такой вывод, сделанный Г.С. Киселевым, возвращает нас к линейному взгляду на проблему направленности исторического процесса.

Иную позицию занимает Н.И. Лапин, который, говоря о том, что «человечество находится перед многовариантным цивилизационным выбором» [7, с. 3], пытается решить вопрос в контексте конструктивного реализма и утверждает, что «сама постановка проблемы цивилизационного выбора означает отказ от рассмотрения эволюции цивилизаций как линейного их прогресса, но не от признания возможного прогресса этой эволюции по тем или иным критериям в определенную историческую эпоху...» [7, с. 5].

Данный подход представляется наиболее перспективным в дальнейшей разработке проблемы направленности исторического процесса в контексте анализа критериев современного мирового развития. Таким основным критерием, с точки зрения автора данной статьи, является соотношение глобальных и региональных закономерностей, тенденций и интересов в развитии различных культур, цивилизаций, стран, народов, государств. Задачей и целью статьи является обоснование данной гипотезы на основе анализа основных этапов становления формационной, цивилизационной и современной, глобально-региональной концепций в контексте неклассической теории познания.

Реконструкция становления формационных и цивилизационных концепций направленности исторического процесса в контексте неклассической теории познания

Основные идеи классической субстанциональной философии истории были изложены в философии Нового времени Дж. Вико, И.Г. Гердером, Г.В.Ф. Гегелем, К. Марксом. Однако линейная, прогрессивно-восходящая концепция направленности исторического процесса была впервые наиболее основательно изложена Гегелем, который определял философию истории как «мыслящее рассмотрение ее» [8, с. 63], а всемирную историю как «ход развития принципа, содержание которого есть сознание свободы» [8, с. 105]. При этом средством, благодаря которому свобода осуществляется в мире, является нравственная свобода в государстве, которое «оказывается благоустроенным и само в себе сильным, если частный интерес граждан соединяется с его общей целью...» [8, с. 77]. Этим определяются, по утверждению Гегеля, и решение вопроса о направленности исторического процесса.

Так, в «Философии истории» он утверждает, что «всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало» [8, с. 147]. При этом, с его точки зрения, всемирная история представляет собой «дисциплинирование необузданной естественной воли и возвышение ее до всеобщности и до субъективной свободы» [8]. Исходя из этого Гегель выделяет такие основные формы всемирной истории, как деспотизм, присущий Востоку, где свободен один; демократия и аристократия, характерная для греческого и римского мира, где свободны некоторые; монархия, имеющая место в германском мире, который знает, «что все свободны» [8, с. 148].

В основе такого деления, с точки зрения Гегеля, лежит то или иное государственное устройство, представляющее собой общую духовную жизнь, к которой «индивидуумы относятся с доверием и привыкают от рож-

дения и в которой выражаются их сущность и их деятельность» [8]. Однако степень свободы, которая делится на субстанциональную и субъективную, в разнообразных типах государства различна. На Востоке господствующее положение занимает субстанциональная свобода, которая не переходит в субъективную. В отличие от этого в греческом мире формируется индивидуальность, происходит сочетание нравственной и субъективной воли, которые «объединены лишь непосредственно, и поэтому в то же время в них самих оказывается величайшее противоречие» [8, с. 150]. Римское государство, по классификации Гегеля, представляет собой период «возмужания» истории, в котором индивидуумы исчезают и достигают своей личной цели в общей цели, благодаря чему «становятся юридическими личностями как частные лица» [8, с. 151]. В результате этого индивидуальная личность «очищается и преобразуется, возвышается до всеобщности...» [8]. Четвертым моментом всемирной истории, с точки зрения Гегеля, является германское государство, в котором исчезает противоречие между государством и церковью, а «дух находит себя в светской жизни и организует ее как органическое в себе наличное бытие» [8, с. 152]. Благодаря этому свобода находит себе опору, свое понятие о том, как осуществить свою истину.

Таким образом, Гегелем заложили основы классической, линейной, прогрессивной направленности исторического процесса, основными этапами которой выступают восточный деспотизм; греческая и римская демократия и аристократия; монархия германского мира. В основании такой классификации лежит принцип осознания свободы, основным фактором достижения которого является государственное устройство, в котором частный интерес граждан соединяется с его общей целью. В этом состоял определенный вклад Гегеля в постановку проблем гражданского общества, который, по утверждению Н.В. Мотрошиловой, почти не учитывается в современных концепциях, хотя «этот аспект теории Гегеля заслуживает одобрения и продолжения, конечно, если понимать правильно его смысл» [9, с. 25].

Думается, что это утверждение Н.В. Мотрошиловой весьма актуально, так как проблема роли государства, его соотношения с рынком и гражданским обществом превратилась в центральную в эпоху глобализации и нашла свою различную интерпретацию в теории «экономического регулирования» Дж. М. Кейнса [10]; «запланированного хаоса» Л. Мизеса [11]; «экономического либерализма» Ф. Хайека [12]. Кроме того, весьма символичным представляется и название Международной конференции, прошедшей в 2016 году в Стокгольме, – «От Маркса к Гегелю и назад в будущее», на которой речь шла о «глобальном финансовом кризисе, росте социального неравенства и активизации политической борьбы в современном мире, что делает жизненно важным новое прочтение Карла Маркса в свете социально-политических идей Гегеля» [13, с. 209].

К. Маркс, подобно Гегелю, также придерживался «линейного» взгляда на историю развития человечества, утверждая, что история есть не что иное, как «последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями..., продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [14, т. 3, с. 45].

Однако, в отличие от Гегеля, в основе марксистской классификации исторических эпох лежат производственные отношения, которые «в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным, отличительным характером» [14, т. 6, с. 442]. Исходя из этого в марксизме выделяются такие основные этапы исторического развития, как античное, феодальное, буржуазное общество, которые «представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества» [14].

Позднее в работе «К критике политической экономии» Маркс выделяет «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства...» [14, т. 13, с. 8], которые обозначает «как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [14], при этом утверждается, что буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного производства, поэтому «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [14].

В.И. Ленин, отмечая заслуги Маркса, писал, что «сведение общественных отношений к производственным и этим последним к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественноисторическим процессом» [15, т. 1, с. 137]. Это позволило, по его утверждению, подметить повторяемость и «обобщить порядки разных стран в одно основное понятие общественной формации» [14, с. 138] и перейти от «описания общественных явлений к строго научному анализу их...» [14].

Таким образом, в классической диалектике Гегеля и Маркса историческое развитие рассматривалось «как линейный процесс раздвоения единого, «элементарной клетки», разрешение исходного противоречия и его возрождение в новых формах, следствием чего является формообразование некоторого целого...» [16, с. 70]. Думается, что именно сведение Марксом многообразия общественных отношений к производственным и породило стремление выйти на иной, в частности, цивилизационно-культурологический уровень в анализе направленности исторического процесса.

Неклассический цивилизационно-культурологический подход к пониманию направленности исторического процесса

Основные положения неклассического цивилизационно-культурологического подхода к пониманию направленности исторического процесса были заложены в России

Н.Я. Данилевским, на Западе – О. Шпенглером и А.Дж. Тойнби.

Так, с точки зрения Данилевского, «всемирная история» представляет собой историю локальных цивилизаций, которые, с одной стороны, имеют индивидуально замкнутый характер, с другой – схожи по своему внутреннему механизму. При этом он утверждал, что деление истории на Древнюю, Среднюю и Новую, хотя бы и с прибавлением Древнейшей и Новейшей, или вообще деление по степеням развития не исчерпывает всего богатого содержания исторического процесса. Такое деление, по его мнению, есть только подчинение, тогда как главное должно состоять в «отличении» культурно-исторических типов, «самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного – одним словом, исторического развития» [17, с. 106].

Выделив десять «полноценных» самостоятельных цивилизаций, или культурно-исторических типов общества, он полагал, что сущность прогресса состоит не в том, чтобы все шло в одном направлении, а в том, чтобы «все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся» [17, с. 108].

Естественная система истории, с точки зрения Данилевского, должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений. При этом для дальнейшего поступательного движения исторического процесса необходимо, чтобы, дойдя в одном направлении до известной степени совершенства, началось оно с новой точки исхода и шло по другому пути, то есть надо, чтобы «вступили на поприще деятельности другие психические особенности, другой склад ума, чувств и воли, которыми обладают только народы другого культурно-исторического типа» [17, с. 135]. Поэтому ни одна цивилизация, с его точки зрения, не может рассматривать себя в сравнении с предыдущими как высшую точку развития, «до сих пор развитие человечества шло не иначе как через посредство

самобытных культурно-исторических типов...» [17, с. 138].

Подобно Данилевскому, концепцию отрицания единой истории человечества отстаивал в западноевропейской философии А.Дж. Тойнби, с точки зрения которого история представляет собой «круговорот» отдельных цивилизаций, замкнутых на себя, существующих параллельно или сосуществующих синхронно. Ритмы исторического развития определяются сменой культур и цивилизаций как групп стран, имеющих общее духовное наследие и представляющих собой «наименьший» блок исторического материала. История развития человеческих обществ, называемых цивилизациями, по утверждению Тойнби, представляет собой «пучок» параллельных, современных друг другу и сравнительно недавних возникших свершений и опытов в некоем новом предприятии, «во множестве попыток, предпринимаемых до самого последнего времени, преодолеть примитивный образ существования, в котором человечество с момента своего возникновения в оцепенелом состоянии провело несколько сот тысячелетий, а частично находится в том же состоянии и сегодня...» [18, с. 270].

Таким образом, представители неклассического, цивилизационного подхода к пониманию направленности исторического процесса, пытаясь преодолеть традиционализм классического «линейного» историзма, рассматривали движение истории не как единый мировой процесс, а как круговорот, становление, расцвет и упадок предельно обобщенных культурно-исторических форм.

Вместе с тем необходимо отметить, что взгляды представителей цивилизационного подхода не были односторонними и задогматизированными. Разрабатывая свои концепции, они во многом «прозрели» специфику как современных им особенностей мирового развития, так и будущих. Так, Данилевский, отстаивая топологическую, а нелинейную концепцию направленности исторического процесса, весьма прозорливо поставил актуальную для современного понимания мирового развития проблему

соотношения национального и общечеловеческого. Исторический цивилизационный процесс, развитие народов заключается, с его точки зрения, в «постепенном отрешении от случайности и ограниченности национального для вступления в область сущности и всеобщности общечеловеческого» [17, с. 139]. Эта проблема и является главной, центральной в современных глобально-региональных концепциях понимания направленности мировой истории.

Глобально-региональное моделирование направленности исторического процесса

Одним из вариантов, предшествовавших развитию современных глобально-региональных концепций понимания современного мирового развития, явился мир-системный подход, разрабатываемый в 70–80 годы XX столетия такими западными философами и социологами, как И.М. Валлерстайн, А.Г. Франк, С. Амин, Дж. Арриги и др.

Так, американский социолог и философ Валлерстайн, выступая с критикой как формационного, так и цивилизационного подходов к пониманию направленности исторического процесса, считает, что «единицей анализа» социальной реальности является «историческая система», существование и границы которой в долгосрочном плане «определяются разделением труда в ней, и что такое разделение труда на больших пространствах имеет тенденцию наблюдаться в двух основных разновидностях: как миры-экономики и как миры-империи» [19, с. 13]. При этом мир-экономики представляют собой систему международных связей, основанных на экономическом единстве, мир-империи – на политическом.

Для капиталистической мир-экономики, которая к концу XIX века подавила все другие мир-экономики и мир-империи и осталась доминирующей, характерно «осевое разделение труда» – на центральное доминирующее ядро, к которому относятся страны европейской цивилизации, стремящиеся сохранить свое лидерство, и экономически и политически зависимую периферию. От-

сталость периферии являлась результатом навязывания этим странам со стороны ядра специфической специализации, сохраняющей экономическое неравенство в развитии стран. Однако в XX веке, по утверждению Валлерстайна, различие между ними начинает стираться, что делает актуальным вопрос о том, как соотносится «национальное и универсальное: возможна ли всемирная культура?» [19, с. 131]. Именно эта проблема и стоит в центре внимания глобально-региональных концепций понимания направленности современного мирового исторического процесса.

Анализ проблем глобализационных процессов в развитии мировой истории начинается в 60–70-е годы XX века в работах таких зарубежных философов и социологов, как Р. Робертсон, С. Лэш, М. Физерстоун и др. Так, с точки зрения Робертсона, глобализация стала обретать собственную динамику развития со времени упадка феодализма в Европе, когда «началось становление национально организованного общества, поиски решения в философии и теории международного права проблемы личности..., повышение роли системы межгосударственных отношений и зарождение представлений о человечестве в целом» [20, с. 182].

Становление глобализации, по утверждению Робертсона, было обусловлено наличием таких компонентов социокультурного развития, как появление национальных обществ, индивидуального самосознания, системы международных отношений и, в конечном счете, самого человечества. При этом «глобализация имеет дело с «организацией» мира как целого по всем четырем направлениям» [20], в результате появляется глобализационное толкование мира «как единого для всех, для всего человечества» [20, с. 184].

Однако, уточняя и развивая в дальнейшем свою концепцию глобализации, Робертсон приходит к выводу, что в «системе межгосударственных отношений, особенно в последнее время, имелся некий отход от биполярности и появление все более многополярных международных взаимосвязей» [20, с. 183]. Эти изменения, по его утвержде-

нию, были сопряжены с «явным признанием в глобальных исследованиях роли категорий «суверенные государства», «индивид», «межгосударственные системы», «человеческий род» [20]. Поэтому глобализация, в конечном итоге, интерпретируется как открытый процесс, где «стремление к универсализации и партикуляризации (глокализации) находится в состоянии динамической конкуренции...» [21, с. 1]. В результате этого Запад перестает быть универсальным образцом развития, так как начинают преобладать национальные модели модернизации, основанные не только на вестернизации, но и на «собственных приоритетах, трактовках и решениях проблем развития каждой страны» [22, с. 17].

В связи с этим мировое развитие приобретает черты нелинейности и непредсказуемости, а наиболее адекватной формой развития становятся национальные модели модернизации стран, достигших определенного уровня вестернизации. В результате этого утверждения, что развитие должно осуществляться по западной модели или оно должно быть только самобытным, становятся односторонними, неправильными, не отражающими ход развития мировых процессов, а новая концепция «множества модернизмов» и национальных модернизаций считает «различия в модернизациях разных стран закономерными, отрицает единый образец» [23, с. 12].

Итак, классическая теория модернизации рассматривала Запад как единственный образец дальнейшего мирового экономического и политического развития, тогда как неклассическая концепция «множества модернизмов» и национальных модернизаций признает «различия в модернизациях разных стран закономерными, отрицая единый образец» [24, с. 15].

Одним из наиболее ярких примеров «множества модернизи» является китайская национальная модель развития, в которой китайцы «учитывали особенности своей страны и не стремились перестать быть китайцами, стать американцами и пр.» [24]. Авторы китайской модели модернизации считали, что

коренное различие между социализмом и капитализмом состоит не в том, чего больше в экономике – планирования или рынка, так как понятия плановая и рыночная экономика не равнозначны понятиям «социализм» и «капитализм». В результате этого в Китае произошел «решительный отказ от плановой системы хозяйства и переход к предкапитализму как экономической системе» [25, с. 83]. На основе преодоления ранее имеющих место альтернатив – «плановая экономика или рыночная» – у китайских реформаторов появился термин «социалистическая рыночная экономика» как один из основных в китайской теории «социалистического гармоничного общества».

Своей главной задачей авторы теории «социалистического гармоничного общества» считали необходимость дальнейшего развития социализма с китайской спецификой, достижения «внутреннего равновесия между экономическим и социальным развитием, между осуществлением свободы для индивидуальной экономики и достижением социальной справедливости» [26, с. 38]. Такая модель и ее реализация на практике являются, с точки зрения китайских философов, крупной социальной инновацией для государств, позже других вступивших на путь современного развития, которая «поможет им решить трудные вопросы современного мирового развития» [26, с. 39].

Философской основой китайской модели модернизации являлась взаимосвязь идей трансформированного марксизма, западноевропейского либерализма и основных направлений традиционной китайской философии – конфуцианства, даосизма и буддизма. Одним из результатов такой трансформации и критически переработанного синтеза явилась теория «практического материализма» как проекта «гуманизации» марксистской философии, ибо в ней главный упор делался на субъективность человека, на важное теоретическое значение практической деятельности, в результате чего на протяжении последних тридцати лет «китайцы из «винтиков» превращаются в субъектов практики» [27, с. 35].

Китайская модель модернизации представляет собой, по сути дела, реализацию на практике идей «множества модернити» и глокализации как основных составляющих современной концепции понимания исторического процесса в контексте глобально-регионального взаимодействия, позволяющих реализовать «равные шансы глобализации (всемирной победы либерализма) и локализации, в форме освоения хозяйственных и технологических систем Запада в качестве подчиненных локальным культурами и цивилизациям» [24, с. 14]. Такая модель развития Китая является более чем достаточной, для того чтобы не только «демонстрировать чудеса, но и успешно идти вперед дальше» [25, с. 84].

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что направленность исторического процесса в контексте глобально-регионального взаимодействия, преодоления односторонности как классических, формационных, так и неклассических, цивилизационных концепций его понимания, рассматривается как многовекторный процесс, адекватной формой развития которого становится «множество модернити», национальные модели модернизации стран, достигших определенного уровня вестернизации.

В качестве дальнейших перспектив анализа заявленной темы исследования весьма актуальным представляется изучение в контексте концепций глобально-регионального взаимодействия специфики направленности истории России в целом и входящих в нее регионов в частности. В связи с этим необходимо отметить, что по вопросу о месте и роли России в контексте современного мирового развития в философской и социально-экономической литературе имеют место самые различные точки зрения – от оптимистических до крайне пессимистических. Так, с одной стороны, утверждается, что в обозримом будущем не стоит ждать либерализации курса, напротив, «Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления» [28, с. 21], с другой –

говорится о том, что России нужен капитализм «не только эффективно-продуктивный, но и цивилизованный, и, прежде всего, социально справедливый» [29, с. 12].

Наиболее интересной и адекватной в этом плане представляется концепция, рассматривающая проблему периодизации российской истории путем нахождения в ней наиболее доминирующих компонентов – «архаики, традиции или инновации» [22, с. 3], что позволяет характеризовать период начала XXI века в России как новейший, в котором национальная модель модернизации, основанная на вестернизации, утрачивает образ Запада как универсальной модели и стремится к «собственному решению стоящих задач перед каждой страной» [22, с. 17].

Не менее важным представляется применение глобально-региональной методологии понимания направленности современного исторического процесса для обсуждения таких региональных инновационных процессов, как перспективный агент-ориентированный подход к моделированию социально-экономического развития территорий, который позволяет повысить эффективность прогнозирования регионального развития и принимаемых управленческих решений за счет «подробного и реалистичного воссоздания внутренней структуры региона в виде отдельных самостоятельных экономических субъектов, которые взаимодействуют друг с другом и внешней средой, а также возможности быстрой обработки и анализа больших массивов информации» [30, с. 273]. Важным и значительным представляется и обсуждение в региональных научных изданиях в контексте глобально-регионального взаимодействия таких проблем, как «институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России» [31, с. 34]; «институциональный механизм формирования социальных инноваций» [32, с. 57] и др., наличие которых подтверждает актуальность и значимость понимания направленности современного мирового исторического развития в контексте методологии глобально-регионального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кимилев Ю.А. Философия истории // Современная западная философия. М.: ТОН – Остожье, 2000. С. 434–437.
2. Бузгалин А.В. Цивилизационный подход и «провалы» марксизма: Человек и культура // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 3–13.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: в 2 т. М.: ЛЕНАНД, 2015.
4. Шевченко В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 33–44.
5. Киселев Г.С. Как говорить о смысле истории? // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 5–14.
6. Киселев Г.С. Иллюзия прогресса // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 16–25.
7. Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть I. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 3–15.
8. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 477 с.
9. Мотрошилова Н.В. О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 12–32.
10. Keynes J.M. *General Theory of Employment, Interest and Money*. New York: Harcourt, Brace, 1936. 424 p.
11. Mises L. *Planned Chaos*. New York: Nobel Press, 2012. 240 с.
12. Hayek F.A. *The Road to Serfdom*. London and Chicago: University of Chicago Press, 1944. 274 p.
13. Мареев Е.В., Мареев С.Н., Гнилозуб Н.С. От Маркса к Гегелю и назад в будущее (обзор международной конференции) // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 209–222.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955–1981.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1958–1965.
16. Науменко Л.К. Эвристический потенциал диалектической теории мышления // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 60–71.
17. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
18. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-пресс, 2003. 592 с.
19. Валлерстайн И.М. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
20. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage, 1992. 211 p.
21. Дугин А.Р. Робертсон: теория «мировой культуры». URL: <http://katehon.com/ru/article/mirovaya-kultura> (дата обращения 28.12.2016).
22. Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 3–18.
23. Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 3–16.
24. Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 7–20.
25. Васильев Л.С. Предкапитализм и посткоммунизм в современном Китае // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 5–84.
26. Яньмэй, Л. О теории социалистического гармонического общества // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 38–44.
27. Цинянь А. Современная китайская марксистская философия – практический материализм // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 27–37.
28. Гранин Ю.Д. Модернизация России: в колее «зависимого развития» // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 14–24.
29. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Какая модернизация и какой капитализм нужны России? // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 3–12.

30. Маковеев В.Н. Применение агент-ориентированных моделей в анализе и прогнозировании социально-экономического развития территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 272–289.
31. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 34–56.
32. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К. Институциональный механизм формирования социальных инноваций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 57–75.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оботурова Галина Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Россия, 160001, г. Вологда, ул. Мальцева, д. 2. E-mail: kaffil@uni-vologda.ac.ru. Тел.: +7(8172) 72-16-83.

Oboturova G.N.

THE FOCUS OF THE HISTORICAL PROCESS IN THE CONTEXT OF GLOBAL-REGIONAL INTERACTION

The article analyzes one of the main issues of substantial philosophy of history – the issue of the focus of the historical process in the context of modern theory of knowledge, global-regional interaction overcoming the one-sidedness of both classical and non-classical concepts of its understanding. We point the urgency of the problem under study based on the review of the controversy of supporters of the formational and civilizational approaches in modern Russian philosophy. Based on the methods of historical reconstruction and comparative analysis we reveal the specific features of linear-bottom-up focus of the historical process taking place in Marxism and Hegelianism. We provide the characteristic of topological concepts of understanding “world history” by Danilevskii and Toynbee, showing their contribution to identifying the role and importance of the ratio of the general and the accidental, the universal and the national. The research novelty is that it carries out a conceptual synthesis of positive aspects of classical and non-classical approaches to understanding the focus of the historical process in the context of modern world development based on the analysis of the concepts of the Wallerstein world-system approach, Robertson glocalization and “global modernities”. The scope of the obtained results is the performed analysis of the specific features of the Chinese model of economic and political development, combining elements of transformed Marxism, western liberalism and Confucianism. The further promising research area in the stated topic is the analysis of global-regional focus of economic and socio-political development in Russia in general and in its regions in particular.

Focus of the historical process, formation, civilization, globalization, glocalization, global modernities.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oboturova Galina Nikolaevna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”. 2, Maltzev Street, Vologda, 160001, Russian Federation. E-mail: kaffil@uni-vologda.ac.ru. Phone: +7(8172) 72-16-83.